

так и остался очень маленького, и это казалось тем более странным, что его отец, мать и сестры — все очень высокие; когда-то его родичей прозвали «велими парка Рамбуйе», ибо все они, — уж не помню, сколько там братьев, — были высокого роста и не толстыми. Зато г-н де Пизани отличался большим умом и большим мужеством: опасаясь, как бы его не сделали духовным лицом, он совершенно не хотел учиться и даже читать по-французски, и в тягу к чтению стал испытывать лишь позднее, когда напечатали перевод восьми речей Цицерона, три из коих перевел г-н д'Абланкур, а одну — г-н Патрю. Речи эти он любил и постоянно читал. Рассуждал он столь разумно, словно в голове его сосредоточена была вся логика на свете. Он был хитроумен и пользовался у дам порою большим успехом, нежели самые статные юноши; он испытывал несколько излишнее пристрастие к женщинам и к игре. Однажды, чтобы раздобыть себе денег, он уверил отца и мать, которые за все двадцать восемь лет провели в Рамбуйе одну только почу, будто в парке много сухостоя и его надобно убрать; получив на то разрешение, он велел нарубить шестьсот погонных сажень дров из самого прекрасного, самого лучшего леса. В споре с принцем Конде, — а спорили они нередко, — г-н Пизани говорил: «Сделайте меня принцем крови вместо себя, и тогда будьте вы хоть тысячу раз правы, все равно в споре выиграю я». Он желал сопровождать Принца во всех его походах, хотя верхом маркиз де Пизани выглядел ужасно. Его называли вычным верблюдом из обоза Принца. В конце концов он был убит; случилось это в битве при Нордлингене.⁹ Пизани находился на фланге маршала де Граммона; фланг этот был смят. Шеналье де Грамон крикнул ему: «Сюда, Пизани, здесь не так опасно». Маркиз, как видно, не пожелал спастись в столь дурной компании, ибо Шеналье слыл большим трусом; Пизани поскакал в другом направлении и встретил кроатов, которые его убили.

Надобно вам рассказать о нем забавную историю. Г-жа де Рамбуйе, женщина тонкого ума, говорила, что нет ничего нелепее мужчины в постели и что ночной колпак — весьма дурацкий головной убор. У г-жи де Молтозье было еще большее отвращение к ночным колпакам: во самой яркой противнице этих злосчастных колпаков была м-ль д'Аркене, ныне аббатиса монастыря Святого Стефана в Реймсе. Однажды брат попросил ее зайти к нему в спальню. Едва она переступила порог, как он запер дверь на задвижку, и тотчас же из чулана выходят не то пять, не то шесть мужчин в ночных колпаках, покрытых, правда, белоснежными чехлами, ибо ночные колпаки без оных могли бы напугать ее и до смерти. Она вскрикнула и хотела убежать. «Боже мой, сестрица, — говорит он ей, — неужто вы думаете, что я затруднил вас напрасну? Нет, нет, поуживайте с нами, прощу вас». И как она ни отговаривалась, пришелся ей сесте за стол и отведать ужина, который подавали эти мужчины в колпаках. Узнав об этом отращении своей жены, маркиз де Монтозье вплоть до 1652 года, когда он был тяжело ранен